

Прошло около получаса.

Цзян Ту и Чэн Жан сидели друг напротив друга в восстанавливающемся главном зале ордена. Потолочные балки над их головами зияли дырами, а из четырех стен уцелела лишь одна. Свистящий ветер беспрепятственно гулял по помещению, тоскливо завывая в пустых проемах.

Цзян Ту сохранял полное спокойствие, невозмутимо излагая цель своего визита.

Чэн Жан мгновенно воодушевился:

— Идея превосходная! Поверьте, господин Цзян, обычное ученичество и официальный обряд посвящения — вещи совершенно разные. Когда церемонию скрепляет свидетельство Небесного пути, души связываются воедино... Это рождает ни на что не похожее, неразрывное чувство духовного родства.

Сидевший рядом Е Хуай до этого отрешенно созерцал подол чужих одежд. Но при этих словах он вскинул голову, уставившись на Цзян Ту распахнутыми, блестящими глазами.

Выдерживая этот пламенный взгляд, Цзян Ту спросил:

— На какой день назначим церемонию?

Чэн Жан налил ему чаю.

— Скрывать не стану, я только и ждал вашего пробуждения, господин Цзян. Раз уж вы пришли в себя, к приготовлениям можно приступить незамедлительно.

Цзян Ту слегка опешил:

— Ждали меня?

Чэн Жан поднял пиалу, резко поднялся и низко склонился, поднося чай обеими руками в знак глубочайшего почтения.

Цзян Ту даже не шелохнулся, спокойно принимая столь почтительный жест от главы целого ордена.

— Что это значит?

— Мои прежние слова по-прежнему в силе, — твердо произнес Чэн Жан. — Господин Цзян, если вы не против, прошу вас остаться в Ордене Прихода и Ухода.

— Раньше я предлагал вам занять место старейшины. Но теперь, когда смута улеглась, очевидно: вы спасли не только наш орден, но и весь уезд Наньту. Должность старейшины для вас даже мелка. Если вы пожелаете, я готов уступить вам пост главы ордена...

Цзян Ту слегка прижал ладонь к краю чайной пиалы, останавливая его:

— Я не гонюсь за титулами. Оставьте пост себе, меня власть не интересует.

Чэн Жан сглотнул, но упрямо продолжал протягивать пиалу:

— Тогда... старейшина?

Цзян Ту на мгновение перевел взгляд на Е Хуая.

— Вы прекрасно понимаете, какое искушение таит в себе кость Циляня. Не боитесь навлечь на себя беду?

— Если Е Хуай станет частью нашего ордена, едва ли кто-то решится посягнуть на него открыто, — возразил Чэн Жан. — А от тайных козней никто не застрахован. В Среднем царстве испокон веков царит хаос, и кость Циляня мало что изменит в этом устоявшемся порядке.

Цзян Ту опустил ресницы и сухо добавил:

— Я не стану посещать утренние собрания старейшин. Дела ордена меня тоже не заботят. Более того, в любой момент я могу уйти. Оставив меня, вы получите обычного бездельника и пару лишних ртов. Я не стану помогать вам решать проблемы, а лишь добавлю хлопот.

С абсолютно бесстрастным видом он выставлял себя бесполезной обузой, отчего у Чэн Жана глаза на лоб полезли.

«Своими силами исправил катастрофу — и называет это "не стану помогать решать проблемы"?»

«Отказался вмешиваться во внутреннюю грызню ордена — и зовет себя "бездельником"?»

«К тому же человек, который ради чужого ему ордена без колебаний исчерпал всю духовную силу, ни за что не останется безучастным в случае беды!»

«Ах, господин Цзян, язык у вас острый, но сердце поистине золотое!»

Наблюдая за бурей эмоций на лице собеседника, Цзян Ту неторопливо спросил:

— И даже зная все это, вы все равно хотите, чтобы я остался?

Чэн Жан встрепенулся и с жаром закивал:

— Разумеется! Эти условия пустяковые, я готов исполнить любое ваше требование. Господин Цзян... нет, старейшина Цзян!

Коль скоро разговор пришел к этому, Цзян Ту не стал больше ломать комедию. Он поднялся, взял белоснежными пальцами пиалу и мягко коснулся чаши Чэн Жана.

Раздался чистый, звонкий щелчок глиняной посуды. Цзян Ту откинул голову и одним глотком осушил терпкий настой.

— Благодарю за доверие, глава ордена.

Это решение не было спонтанным порывом. Когда Чэн Жан предложил это впервые, Цзян Ту намеревался вежливо отказаться. Однако сейчас в его распоряжении оставалось всего полвека жизни. Если он покинет эти земли и вновь столкнется с дыханием скверны, израненное тело продолжит разлагаться. Е Хуай еще не успеет взойти на божественный престол, как его наставник испустит дух, похоронив все труды под надгробной плитой.

Одно только представление об этом вызывало глухую досаду.

А в Ордене Прихода и Ухода, избавленном от козней Чэн Се и защищенном барьером Небесной реки, было куда безопаснее, чем во время скитаний по дорогам.

К тому же Чэн Жан не принадлежал к породе интриганов. Он, как и маленький Е Хуай, относился к тому типу бесхитростных «собачьих», чьи мысли крупными иероглифами читаются прямо на лице.

Простодушный, честный и прямой. В конце концов, в подлунном мире мало кто решится пожертвовать собственным золотым ядром ради спасения незнакомого люда.

Такому человеку Цзян Ту был не прочь оказать поддержку.

Чэн Жан поспешно допил свой чай до капли.

— Тогда я прямо сейчас выберу благоприятный день по лунному календарю...

Но закончить фразу он не успел.

Снаружи главного зала слышались взволнованные голоса:

— Наш глава сейчас занят важным разговором. Раз уж уважаемые господа удостоили нас своим визитом, позвольте мне сначала доложить...

— Коль скоро вам ведомо о присутствии господина Сиу, заставлять его ждать — неслыханная дерзость. Или Чэн Жан замышляет нечто постыдное за закрытыми дверями, раз вы смеее преграждать нам путь?

Эти слова прозвучали на редкость надменно. Чэн Жан помрачнел, но выплеснуть гнев не посмел.

— Какого черта принесло господина Сиу? — процедил он сквозь зубы. — Явились же именно в этот момент...

Цзян Ту воспользовался паузой:

— Кто этот Сиу?

— Он — Почтенный из Обители Куньлунь, — вполголоса пояснил Чэн Жан. — В высших сферах поговаривают, будто он является живым воплощением воли Небесного пути. Во всем мире совершенствующихся нет никого, кто превзошел бы его в долголетию. Обычно он не покидает Обитель Куньлунь, а тут вдруг лично снизошел в Среднее царство...

Цзян Ту рассудительно поднялся:

— В таком случае я откланяюсь.

— Прошу простить меня, старейшина Цзян. Спесивые юнцы с Горы Просветленного Сердца привыкли смотреть на всех свысока, но пренебречь их визитом мы не имеем права. Как только освобожусь, я сразу навещу вас, и мы обсудим все подробности церемонии, — быстро прошептал Чэн Жан, после чего зычно крикнул в сторону входа: — Пропустите гостей!

Цзян Ту кивнул, жестом подозвал Е Хуая, и они бесшумно вышли через боковую дверь.

У самого выхода они разминулись со свитой с Горы Просветленного Сердца.

Цзян Ту скользнул по ним ленивым взглядом. Все прибывшие, как один, были облачены в роскошные золотые одеяния. Тончайшая парча, сотканная будто из чистых солнечных нитей, струилась до самой земли, ослепительно сверкая под дневным светильником.

Их было всего четверо или пятеро, однако их спесь и величие создавали ощущение целой армии. На поясах у каждого покачивались подвески из густо-синей яшмы — признак того, что их совершенствование достигло третьей ступени.

Нынешнее Верхнее царство покоилось на семи великих духовных жилах: шести бессмертных обителях — Линской, Жунъяне, Вэйюе, Цзюцюе, Синих Водах Гаоси и Горе Просветленного Сердца, а также превосходящей их Обители Куньлунь.

Орден Прихода и Ухода находился в прямом подчинении именно у Горы Просветленного Сердца.

Предводителем прибывших совершенствующихся оказался молодой человек с высоким хвостом. На его поясной яшме синева была настолько глубокой, что у самого центра отливала чистым золотом — знак третьей ступени великого завершения, стоящей на самом пороге Земного ранга.

Юноша раздраженно ворчал себе под нос:

— Если бы эти ничтожества из Ордена Прихода и Ухода не заварили такую кашу, с какой стати благородному господину торчать в этой дыре? Старейшины совсем из ума выжили, раз отправили меня сюда... Фу, даже в главном зале воняет нищетой...

Сопровождающие поспешно заискивали перед ним:

— Второй молодой господин, умоляем, сдержите гнев! Помните, с нами господин Сиу.

Ци Чжао мгновенно растерял всю спесь и, обернувшись к шествующему позади старцу, подобострастно произнес:

— Господин Сиу, прошу вас, проходите сюда.

Цзян Ту тоже устремил взор в конец процессии.

Прежде чем показался сам человек, его взгляд натолкнулся на длинный, иссиня-черный посох.

На его наверху парили и плавно кружились мелкие светящиеся пылинки, похожие на невесомые пушинки. Каждое их движение отзывалось едва уловимыми, но мощными колебаниями духовной энергии.

Перед ними было сокровище Небесного ранга.

Следом показался и сам Сиу.

Старец шел, согнув сгорбленную спину, невероятно медленно. Белоснежное одеяние полностью укрывало его тело, не оставляя на виду ни единого дюйма кожи — даже ладонь, сжимавшая древко посоха, была скрыта плотной тканью рукава.

С каждым шагом он мерно ударял посохом о каменные плиты. Однако этот звук не был глухим стуком сухого дерева. Он разносился чистым, протяжным звоном древнего храмового колокола, уносясь ввысь и рождая иллюзию бескрайних горных просторов.

Поравнявшись с Ци Чжао, старец внезапно замер.

Его фигура едва заметно качнулась, и он обратил скрытое капюшоном лицо в ту сторону, где стоял Цзян Ту.

Это длилось всего долю секунды. Стоило Ци Чжао обеспокоенно спросить: «В чем дело, почтенный?», как старец тут же отвернулся.

— Пустяки, — проскрипел его голос, сухой и дребезжащий, словно натянутая до предела ржавая струна.

Ци Чжао проследил за его мимолетным взглядом и брезгливо уставился на Цзян Ту.

Цзян Ту даже не подумал изобразить вежливое приветствие, а молодой господин уже отвернулся с неприкрытым презрением:

— Среднее царство совсем обнищало духовными талантами, раз сюда пускают всякий сброд. Господин Сиу, закончим поскорее дела и вернемся в обитель.

Старец безмолвно кивнул, и свита скрылась за дверями зала.

Цзян Ту провожал их взглядом, пока створки ворот с глухим стуком не сомкнулись.

«Сиу...» — мысленно повторил он это имя.

Он не сомневался: старик смотрел именно на него.

И в этом взгляде, в отличие от спеси Ци Чжао, скрывалось нечто гораздо более глубокое и запутанное. Цзян Ту слишком плохо разбирался в человеческих чувствах, чтобы разобрать этот хаос чужих эмоций, но странный осадок все же остался.

Удивительно.

Если верить словам Чэн Жана, Сиу живет на свете невероятно долго. Неужели они встречались в прошлом?

Но тысяча лет — слишком огромный срок, чтобы цепляться за подобные догадки.

Пока разум Цзян Ту занимали размышления о загадочном старце, юный Е Хуай кипел от ярости совсем по другому поводу.

Любой дурак расслышал бы издевку в словах Ци Чжао. Мальчик давно привык к плевкам в собственный адрес, но этот наглец посмел оскорбить его наставника!

Е Хуай едва сдерживался, чтобы не наброситься на напыщенного индюка и силой не заставить его вымалывать прощение у Цзян Ту. Он свирепо оскалился вслед уходящим гостям, напоминая готового к броску верного щенка.

Цзян Ту без труда разгадал его порыв и безжалостно осадил:

— Ты ему не соперник. Не смей нарываться.

Ци Чжао со своей третьей ступенью великого завершения был самым опасным противником из всех, кого они встречали до сих пор.

Е Хуай удрученно опустил плечи.

— Он посмел так пренебрежительно отозваться о вас... Это злит меня. Но я знаю, что ничтожно слаб и ничем не могу помочь. Только обузой для вас становлюсь.

Цзян Ту благосклонно отнесся к его рассудительности:

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Юноша с надеждой уставился на учителя:

— Наставник, когда вы начнете обучать меня боевым техническим приемам? Я хочу стать сильнее, чтобы защитить вас... Пожалуйста, не смейтесь, я говорю совершенно серьезно!

Цзян Ту слегка потрепал его за покрасневшее от усердия ухо.

— Прямо сейчас.

Мальчик обомлел:

— Что?

Цзян Ту привел воспитанника на склон горы.

Он еще во время прошлых прогулок заприметил на противоположной стороне ущелья огромный каменный валун. Тот идеально подходил для тренировок.

Цзян Ту не собирался требовать от ученика невозможного: для начала тот должен был за неделю пробить этот валун потоком внутренней энергии. Это станет его первым шагом на пути совершенствования.

Стоявший рядом Е Хуай лишился дара речи.

— Семь... семь дней?

Даже если опустить тот факт, что до этой скалы обычный заклинатель смог бы добраться только верхом на мече, размеры самого валуна поражали воображение.

Эта глыба превосходила его собственный рост раз в пять, а шириной была шагов в пятьдесят!

К тому же Цзян Ту велел именно пробить ее насквозь.

Не раздробить в крошево, а оставить аккуратное сквозное отверстие.

С подобной задачей едва ли справился бы даже опытный мастер первой ступени, что уж говорить о безусом мальчишке?

Е Хуай судорожно сглотнул.

— Наставник...

Цзян Ту слегка прищурился:

— Не справишься?

Е Хуай испуганно замотал головой:

— Справлюсь! Обязательно справлюсь!

Если он провалит самое первое задание, учитель наверняка разочаруется в нем, пожалеет, что взял в ученики, или, чего доброго, просто выставит вон...

Нарисовав в своей голове эту жуткую картину, мальчик преисполнился решимости. Его взгляд мгновенно стал стальным:

— Семь дней. Я сделаю это, обещаю.

Цзян Ту удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. Доставай меч.

Е Хуай поспешно снял со спины костяной меч.

Цзян Ту слегка коснулся его макушки:

— Направь свою духовную силу в лезвие.

Мальчик растерянно замер.

«Но я ведь понятия не имею, как это делается!»

До этого он мог свободно орудовать клинком лишь потому, что в моменты смертельной опасности его телом управляли древние, вшитые в самую душу инстинкты зверя. Но сейчас, находясь под надежной защитой Цзян Ту, он чувствовал себя в полной безопасности. Никакой угрозы не было и в помине, поэтому слабое золотистое свечение, едва вспыхнув на костяном мече, рассыпалось искрами и угасло.

Цзян Ту одарил его долгим, невыразительным взглядом.

Ученик шумно сглотнул скопившуюся слюну.

Лицо наставника по-прежнему напоминало ледяную маску.

— На сегодня ограничимся базой. Сделай тысячу взмахов.

Е Хуай едва не выронил оружие от изумления.

— Наставник...

Тысячу раз? Да у него рука отвалится быстрее, чем он закончит!

Однако Цзян Ту остался глух к безмолвной мольбе:

— Начинай.

Поняв, что учитель шутить не собирается, Е Хуай стиснул зубы.

Костяной меч, сотворенный из останков неведомого существа, был намного легче стального клинка, однако назвать его пушинкой тоже не поворачивался язык. Для двенадцатилетнего подростка даже сотня взмахов была тяжелым испытанием. К двухсотому удару его руки начали предательски дрожать, наливаясь свинцовой тяжестью.

Неподалеку раздался тихий, едва заметный вздох наставника.

Этот звук заставил Е Хуая вздрогнуть. Пальцы соскользнули с рукояти, едва не выронив меч.

Ужасно не хотелось прослыть слабаком в глазах Цзян Ту. Преодолевая жгучую боль в мышцах, мальчик сделал еще сотню взмахов.

Крупные капли пота катились по его лбу, собираясь на кончике носа и срываясь вниз, на истоптанную землю.

В голове не осталось ни единой мысли. Все тело пронзила тупая ломота. Он полностью отключил сознание, продолжая размахивать мечом по инерции, словно сломанный механизм.

Когда заветный счет подошел к тысяче, силы окончательно покинули его. Руки безвольно повисли вдоль тела, и мальчик тяжело рухнул на колени, со свистом хватая ртом воздух.

Цзян Ту протянул ему чистый платок.

— Вытрись. Завтра продолжим в том же темпе.

Е Хуай покачнулся, уставившись на наставника полным немого страдания взглядом побитой

собаки.

Он сомневался, что завтра вообще сможет пошевелить хоть пальцем, не говоря уже о новой тысяче взмахов.

Цзян Ту недовольно нахмурился:

— Что-то не так?

Мальчик тут же выпрямился, уверяя:

— Нет, все в порядке! Все просто замечательно!

Цзян Ту удовлетворенно кивнул и зашагал обратно к жилым покоям, оставив своего новоиспеченного ученика наедине с гудящими от боли плечами и тихим экзистенциальным отчаянием.

<http://bllate.org/book/19047/1985570>